

**РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ Г-ЖИ С. А. ДАВЫДОВОЙ: «РУССКОЕ
КРУЖЕВО». ИЗСЛѢДОВАНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТЕХНИЧЕСКОЕ
И СТАТИСТИЧЕСКОЕ (РУКОПИСЬ).**

Составленъ В. В. Стасовымъ.

Сочиненіе г-жи Давыдовой заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, какъ по своей задачѣ, такъ и по многосложному труду, употребленному для добытія матеріала, и, наконецъ, по изложенію и объясненію этого матеріала.

Изслѣдованіе русскаго кружева представлялось въ настоящее время дѣломъ крайне необходимымъ, дѣломъ не терпящимъ отлагательства, такъ какъ иноземныя моды съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе изгоняють изъ употребленія національный костюмъ не только въ большихъ и малыхъ городахъ нашего отечества, но даже въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ селахъ и деревняхъ. Такимъ образомъ, почти повсемѣстно народная женская одежда, прежде богато украшенная русскимъ кружевомъ, исчезаетъ, а вмѣстѣ съ нею исчезаетъ и потребность въ этомъ кружевѣ. Въ то-же время, быстро выводятся изъ употребленія свадебные полотенца и платки, игравшіе въ прежнія времена такую значительную роль; крестьянскія семьи перестаютъ украшать свои простыни, наволочки, рубахи и прочіе предметы жизненной обстановки — кружевомъ, оно замѣняется полосами ситца или другими

украшеніями. Съ другой стороны, то кружево, которое вошло въ послѣдніе годы въ большую моду не только у насъ въ дворянскомъ классѣ, но и въ Европѣ, и извѣстно подъ именемъ «русскаго кружева», въ большинствѣ случаевъ отделяется отъ прежнихъ коренныхъ національныхъ образцовъ, и старается подражать иностраннымъ узорамъ и современнымъ моднымъ вкусамъ дамъ; что же касается до техники, то она, къ несчастью слишкомъ часто становится все болѣе и болѣе спѣшною и небрежною, замѣняетъ прежнюю ровную, прочную льняную нитку — непрочной, мшистой бумажной ниткой. Все вмѣстѣ приводитъ къ тому, что новѣйшее «русское кружево» и съ художественной, и съ технической стороны представляетъ глубокое паденіе въ сравненіи съ прежнимъ, настоящимъ русскимъ національнымъ кружевомъ. Слѣдовательно, задача возстановить память и значеніе одного изъ значительнѣйшихъ нашихъ художественно-промышленныхъ производствъ—была задача прекрасная и, вмѣстѣ настоящая.

I.

Къ выполненію этой задачи г-жа Давыдова приступила не любительницей, а знатокомъ. Она не желала относиться къ своему предмету поверхностно, по-аматерски, и, прежде чѣмъ пуститься въ поѣздки по Россіи, приготовилась къ своему дѣлу, въ Петербургѣ, съ помощью всѣхъ тѣхъ пособій, какія представляла ей: Императорская Публичная Библіотека—по части всего *печатнаго* о кружевномъ дѣлѣ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и оба наши художественно-промышленные музеи (Общества поощренія художествъ и Штиглицовскій)—по части *вещевой*. Что касается печатныхъ источниковъ, то о богатствѣ ихъ можно судить по списку, приложенному къ концу сочиненія, а при разсмотрѣніи текста я убѣдился, что дѣйствительно всѣ указанные источники послужили для историческаго изложенія г-жи Давыдовой. Она внимательно просмотрѣла наши лѣтописи, затѣмъ изданія, гдѣ находятся документальныя описанія нашихъ древнихъ

одеждъ («Россійская Вивлюонка», извѣстныя сочиненія Строева, Савваптова и другихъ), отказныя, рядныя и шныя памяти, описи имущества монастырей, церквей и частныхъ лицъ дворянскаго, купеческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго сословія, — разсѣянныя по разнымъ печатнымъ нашимъ изданіямъ; затѣмъ очень значительное количество большихъ и малыхъ статей о мѣстномъ производствѣ кружева, напечатанныхъ въ разное время въ губернскихъ вѣдомостяхъ (тверскихъ, тульскихъ, орловскихъ, московскихъ, вятскихъ, вологодскихъ, казанскихъ); наконецъ все, что по этой-же части появлялось въ разныхъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ, а также въ видѣ самостоятельныхъ книгъ. Правда, тѣ статьи въ газетахъ, которыя встрѣтила г-жа Давыдова, были крайне неудовлетворительны, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онѣ говорили только о современномъ положеніи кружевнаго дѣла въ Россіи, а рисунковъ почти и вовсе не было при статьяхъ, — тѣмъ не менѣе можно было, все таки, получагъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о главнѣйшихъ (хотя далеко не всѣхъ) кружевныхъ нашихъ центрахъ.

По части иностранной литературы, г-жа Давыдова всего пристальнѣе и подробнѣе изучила лучшія и полнѣйшія сочиненія по этой части на языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ, въ особенности извѣстныя сочиненія: 1) *Séguin, La Dentelle*; 2) *Palliser, A history of lace*; 3) *Ilg, Geschichte und Terminologie der alten Spitzen*; 4) *Digby Wyatt, The industrial art of the XIX century*; 5) Большія и чрезвычайно важныя статьи о кружевѣ: неизвѣстнаго, въ «*Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle*, Ларусса, и *Лебретона* въ превосходномъ изданіи: «*Les arts du bois, des tissus et du papier.*» Сверхъ того,

Давыдова просмотрѣла и изучила, въ Императорской Публичной библиотекѣ, всю превосходную и богатую ея коллекцію русскихъ нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ изданій, гдѣ перепечатаны старинныя и необыкновенно рѣдкіе сборники русскихъ узоровъ, XVI-го и XVII-го вѣка.

Въ то-же время наши художественно-промышленные музеи

представили г-жѣ Давыдовой нѣкоторое количество русскаго кружева, на образцахъ котораго (хотя и далеко еще не удовлетворительныхъ и малочисленныхъ), она могла, на первый случай, до извѣстной степени познакомиться съ разными узорами и техническими способами производства русскаго кружева.

Но послѣ такой предварительной работы, г-жа Давыдова приступила къ главной сторонѣ своей задачи. Она отправилась въ поѣздки по Россіи, для того, чтобъ во всѣхъ нашихъ кружевныхъ центрахъ изучить кружево на самыхъ мѣстахъ производства, собственными глазами видѣть технику, и собрать наибольшее по возможности количество подлинныхъ образцовъ.

Для полученія, во время своихъ путешествій, точнѣйшихъ воспроизведеній такихъ образцовъ кружева, которыхъ нельзя было купить или получить въ даръ, г-жа Давыдова пользовалась совѣтами и наставленіями извѣстнаго нашего фотографа Левицкаго, и научилась, по его указанію, у его помощника, новѣйшему способу дѣлать снимки съ кружевъ посредствомъ свѣтописи.

Состоящая при Техническомъ Обществѣ коммиссія по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, узнавъ случайно о предиріятіи г-жи Давыдовой, отнеслась къ нему съ необыкновенной симпатіей, и предложила ей ознакомиться съ положеніемъ кружевнаго промысла на мѣстахъ его производства, для цѣлей коммиссіи, и, согласно выработанной коммиссіею программѣ, составить отчеты. Предложенная вмѣстѣ съ тѣмъ г-жѣ Давыдовой отъ коммиссіи небольшая сумма денегъ, на прибавку къ ся собственнымъ средствамъ, дала г-жѣ Давыдовой возможность осуществить задуманныя ею поѣздки почти во всей необходимой полнотѣ.

Результатомъ этихъ поѣздокъ были подробные и чрезвычайно обстоятельные отчеты, напечатанные г-жею Давыдовою въ *«Трудахъ Коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи»*, въ 1880—1883 годахъ (выпуски №№ V, VII и X), и вмѣстѣ съ тѣмъ огромный атласъ фотографическихъ снимковъ,

состоящій изъ 167 листовъ, съ 356 рисунками старыхъ и новыхъ русскихъ кружевъ.

Въ 1880 году г-жа Давыдова изслѣдовала кружевной промыслъ въ губерніяхъ: московской, рязанской, тверской и орловской; въ 1881 году—въ губерніяхъ: олонекской, новгородской; сверхъ того, по спеціальному порученію кустарной комиссіи, она тогда-же снова побывала въ городѣ Торжкѣ, тверской губерніи, гдѣ ей назначено было изслѣдовать золотошвейный промыселъ и «работу съ тачку» (изъ разноцвѣтныхъ кожъ), а равно и ткашь шелковыхъ поповъ и туфель; наконецъ, въ 1883 году, г-жа Давыдова изслѣдовала кружевной промыселъ въ губерніяхъ: вологодской, вятской, казанской, нижегородской. Надо замѣтить, что губерніи новгородская и нижегородская были изслѣдованы, при этомъ, лишь отчасти, такъ какъ о нихъ имѣлись уже отчеты другихъ сотрудниковъ Кустарной Комиссіи, во многихъ отношеніяхъ уже удовлетворительные.

На прибавку ко всему этому, г-жа Давыдова совершила, въ 1882 году, путешествіе въ Силезію и Сѣверную Италію, такъ какъ ей казалось необходимымъ обозрѣть собственными глазами кружевные школы, устроенныя въ послѣднее время въ Венеціи, въ окрестностяхъ Генуи и въ Силезіи, а равно познакомиться съ народнымъ производствомъ кружева въ этихъ мѣстностяхъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые сорта русскаго кружева съ издревле состояли въ тѣсной связи съ кружевомъ итальянскимъ и нѣмецкимъ, чтò впрочемъ нисколько не мѣшало самостоятельному и вполне національному развитію главной и значительнѣйшей массы нашего народнаго кружева.

Впослѣдствіи, г-жа Давыдова имѣла счастье убѣдиться, что ея труды и успія не остались напрасными. Результаты ея изслѣдованія перешли на практическую почву, и, можно надѣяться, принесутъ полезныя плоды для одной изъ интереснѣйшихъ вѣтвей нашего народнаго кустарнаго промысла. Вслѣдствіе представленій г-жи Давыдовой о печальномъ состояніи кружевнаго дѣла въ Россіи, и о необходимости поднять его, утвердивъ на болѣе

раціональныхъ и національныхъ основахъ, была организована, въ Петербургѣ, *Школа кружевницъ*, гдѣ на суммы, отпускаемыя изъ Государственнаго Казначейства, содержатся, каждая въ теченіе одного года, кружевные мастершцы, выписываемыя на казенный счетъ изъ главнѣйшихъ кружевныхъ нашихъ центровъ, и въ теченіи года изучаютъ, практически, многоразличные узоры и техническіе способы производства старыхъ, наилучшихъ русскихихъ образцовъ, примѣры которыхъ составляютъ небольшой музей, образованный г-жею Давыдовою при школѣ изъ образчиковъ, привезенныхъ ею изъ путешествій по Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, каждая мастерице указываетъ прочимъ своимъ товаркамъ по школѣ, мѣстные узоры и техническіе пріемы своей областной мѣстности. Послѣ такого ученія и обмѣна знаній, каждая мастерица возвращается на свою родину, чтобы тамъ служить наставницей и руководительницей мѣстныхъ кружевницъ, часто утратившихъ національный вкусъ и направленіе, и слишкомъ предавшихся новымъ моднымъ вкусамъ и безвкусіямъ по части кружевного дѣла. Во главѣ С.-Петербургской кружевной школы соблаговолила стать сама Государыня Императрица. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ опубликованія отчетовъ г-жи Давыдовой въ «*Трудахъ*» Кустарной Коммиссіи, министерство финансовъ, въ виду научной и практической пользы изслѣдованій г-жи Давыдовой, ассигновало особую сумму на изданіе труда ея, основаннаго на вышесказанныхъ «*Отчетахъ*», а также на изданіе, фотографическимъ способомъ, всего огромнаго атласа, составленнаго г-жею Давыдовою, и предложеннаго нынѣ вниманію Императорской Академіи Наукъ.

Обращаясь къ тексту этого многосложнаго и обширнаго труда, мы видимъ, что онъ заключаетъ въ себѣ *три* части. Первая содержитъ «*Историческій очеркъ*», вторая *техническую*, третья *статистическую* сторону. *Историческій очеркъ* заключаетъ въ себѣ, на основаніи лучшихъ иностранныхъ сочиненій, впрочемъ не слѣбно повторяемыхъ г-жею Давыдовою, а оцѣнимыхъ ею самостоятельно и критически, — заключаетъ очеркъ хода кру-

жевнаго дѣла въ Италіи, Испаніи, Португаліи, Нидерландахъ, Франціи, Англіи, Шотландіи и Ирландіи, Дашіи, Швеціи и Норвегіи, Германіи, нѣкоторыхъ славянскихъ мѣстностяхъ, Греціи, Турціи и островѣ Мальтѣ. При всей (по необходимости) сжатости этихъ очерковъ, они удовлетворительны, полны въ главныхъ своихъ чертахъ, представляютъ такой обзоръ исторіи иностраннаго кружева, какаго до сихъ поръ у насъ въ печати еще небыло.

Русское отдѣленіе Историческаго обзора представляетъ полноту и точность, вполне удовлетворительныя. Немногія исключенія, здѣсь встрѣчающіяся, будутъ указаны мною ниже въ слѣдующихъ параграфахъ, посвященныхъ мною подробному разсмотрѣнію труда г-жи Давыдовой. Старѣйшія историческія извѣстія о русскомъ кружевѣ (впрочемъ золотомъ и серебряномъ, а не бѣломъ шитьемъ) г-жа Давыдова находитъ въ Ипатьевской Лѣтописи подъ годами 1252-мъ и 1288-мъ, и, начиная отъ этихъ первоначальныхъ извѣстій, прослѣживаетъ ходъ кружевнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ до послѣдняго, самоповѣйшаго времен. Съ величайшею точностью и подробностью она разсматриваетъ и сообщаетъ свѣдѣнія о кружевѣ такъ сказать «*аристократическомъ*», служившемъ для церкви, дворца, боярскихъ палатъ, внослѣдствіи богатѣйшаго кунечества, и съ другой стороны, о кружевѣ «*народномъ*», бывшемъ всегда достоинствомъ самаго народа, и потому почти вполне уберегшемся отъ тѣхъ національных, постороннихъ вліяній на узоры и самое производство, которымъ такъ часто подвергалось кружево первой категоріи. Эта часть «Историческаго очерка» г-жи Давыдовой принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ страницъ всего сочиненія.

Описаніе кружевнаго производства въ помѣщичьихъ деревняхъ, трудомъ крѣпостныхъ женщинъ и дѣвушекъ, въ теченіе прошлаго и новаго вѣка, занимаетъ также видное мѣсто въ «Историческомъ очеркѣ».

Во 2-й, *Технической* части, представлено изслѣдованіе кру-

жевнаго дѣла въ губерніяхъ: повгородской (городъ Бѣлозерскъ), вологодской, вятской, казанской, нижегородской (городъ Балахна), ярославской (города: Романовъ-Борисоглѣбскъ, Ростовъ), рязанской, тверской, орловской, тульской (городъ Бѣлевъ), московской. Сюда-же принадлежатъ очерки кружевнаго производства въ нѣсколькихъ *женскихъ монастыряхъ* этихъ губерній.

Изслѣдованіе по каждой мѣстности распределяется по слѣдующимъ главнымъ рубрикамъ: а) *Общая характеристика промысла*, б) *Краткій историческій очеркъ промысла въ данной мѣстности*, в) *Общія экономическія условія кустарей*, г) *Представители мѣщанскаго труда*, д) *Внѣшняя обстановка и производство промысла*, е) *Обытъ мѣщанъ*, ж) *Санитарныя и культурныя условія*.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ трактуванъ въ сочиненіи съ чрезвычайною подробностью и обстоятельностью.

«Знакомство со всѣми центрами кружевной промышленности въ Россіи привело меня, говоритъ г-жа Давыдова, къ убѣжденію, что каждый изъ нихъ живетъ совершенно отдѣльною жизнью, не имѣющей ничего общаго съ другими центрами, хотя-бы они находились не далеко другъ отъ друга, и даже въ одной и той-же губерніи. Такая обособленность, замѣченная мною всюду, въ сѣверныхъ губерніяхъ, какъ и въ средней полосѣ Россіи, много мѣшала успѣшному ходу моеѣ работы, такъ что получить вообще какія либо точныя указанія даже на мѣстахъ производства, почти нѣкогда не удавалось.»

Въ другомъ мѣстѣ г-жа Давыдова говоритъ: «Хотя изготовленіе кружевъ происходитъ почти повсемѣстно при одинаковыхъ условіяхъ, составляя всегда исключительно домашнее производство, тѣмъ не менѣе каждая мѣстность выделяется извѣстными отгѣнками, находящимися въ зависимости настолько-же отъ экономического положенія населенія, насколько и отъ культурнаго его состоянія, мѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ. Не ознакомившись съ этой стороною быта (преимущественно) мѣщанъ и крестьянъ, трудно будетъ себѣ составить ясную и полную картину кружевнаго дѣла въ Россіи,—понять все значеніе его для населенія, и

оцѣнить по достоинству эту *важную* отрасль женскаго народнаго труда. Не смотря на всю разъединенность и независимости одного центра производства кружевъ отъ другихъ, приглядываясь близко къ нимъ, нельзя не замѣтить, что *доля* губерній: повгородская и рязанская, должны были имѣть выдающееся значеніе въ началѣ организаціи у насъ кружевныхъ работъ... Около первой, повгородской, группируются губерній: вологодская, вятская, казанская, нижегородская и ярославская; около второй, рязанской, группируются губерній: тверская, орловская, тульская и московская.»

Сообразно съ такимъ распредѣленіемъ, г-жа Давыдова и разсматриваетъ, съ величайшею обстоятельностью, каждый изъ этихъ отдѣльныхъ центровъ, въ зависимости отъ ихъ главнаго, кореннаго центра.

При этомъ, на основаніи подробныхъ своихъ изслѣдованій и наблюденій, г-жа Давыдова представляетъ громадную массу фактовъ, касающихся кружевъ, производства ихъ, всѣхъ мельчайшихъ деталей матеріаловъ, орудій, къ тому служащихъ, разнообразныхъ способовъ и пріемовъ, а также касательно *личностей*, производящихъ русское кружево въ разнообразныхъ краяхъ нашего отечества. Изложеніе г-жи Давыдовой интересно и живописно, часто она представляетъ въ своемъ сочиненіи цѣлыя картинки домашней жизни и всей жизненной обстановки русскихъ кружевницъ, ихъ трудной жизни (16—18 часовъ работы въ день), ихъ горя и радостей, ихъ творческой, созидательной дѣятельности, приносящей имъ столько утѣшенія среди печальнаго и однообразнаго существованія, и неостыжимо скудно оплачиваемой работы. Санитарныя и культурныя условія жизни нашихъ кружевницъ изложены у г-жи Давыдовой съ великой симпатіей и сердечностью. Наконецъ знакомство автора съ множествомъ кружевныхъ торговцевъ, въ разныхъ краяхъ Россіи, дало ей возможность сообщить множество интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ цифровыхъ данныхъ, проверенныхъ авторомъ одинъ другимъ, и на основаніи иныхъ еще источниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить

и множество фактовъ, касающихся торговли кружева и разнообразнаго сбыта ихъ.

Огромное количество статистическихъ таблицъ разнаго рода наполняютъ все отдѣлы сочиненія; въ концѣ его, въ 3-й части, они все сгруппированы въ одну общую картину, представляющую рядъ крайне важныхъ и интересныхъ фактовъ.

II.

Я указывалъ выше на ту массу историческихъ книгъ и документовъ, которые просмотрѣны были г-жей Давыдовой для того, чтобъ извлечь оттуда помѣщенныя ею въ «Введеніи» свѣдѣнія объ употребленіи золотого, серебрянаго и шнаго кружева въ древней до-Петровской Россіи. Я отзывался объ этой сторонѣ труда г-жи Давыдовой съ особенною похвалою. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ сдѣлать и нѣсколько замѣчаній по поводу этого самаго матеріала. А именно, я нахожу, что *вопервыхъ*, количество приведенныхъ примѣровъ могло-бы быть еще довольно значительно увеличено, для пользы сочиненія; что, *во вторыхъ*, весь вообще историческій матеріалъ, принадлежащій до-Петровскому времени, долженъ бы быть нѣсколько иначе систематизированъ; *въ третьихъ*, что слѣдовало-бы нѣсколько съ большею подробностью остановиться на вопросѣ о восточныхъ и западныхъ вліяніяхъ на наше древнее кружево. Въ этихъ трехъ отношеніяхъ, я и сгруппирую свои замѣчанія.

Въ историческомъ обзорѣ русскаго кружева, у г-жи Давыдовой является выдѣленнымъ особо лишь одинъ только элементъ: русское кружево за періодъ велико-княжескій, все-же остальные періоды представлены смѣшанными, не отдѣленными одинъ отъ другаго. Между тѣмъ, при томъ богатствѣ матеріала, которымъ мы располагаемъ въ настоящее время, было-бы, я полагаю, гораздо цѣлесообразнѣе расположить весь вообще матеріалъ точно въ такомъ систематическомъ порядкѣ, какой мы встрѣчаемъ относительно великокняжеской эпохи. Такимъ обра-

зомъ, я бы предложилъ г-жѣ Давыдовой представить ся въ рическій перечень со слѣдующими подраздѣлениями:

- А) Русское кружево періода княжескаго и великокняжескаго,
- Б) Русское кружево періода царскаго.

Этотъ второй отдѣлъ я предложилъ-бы раздѣлить на:

- а) кружево въ употребленіи у церкви,
- б) кружево въ употребленіи у царей и царскаго мейства,
- в) тоже у дворянства,
- г) тоже у купечества,
- д) тоже у крестьянства.

А. Въ первый отдѣлъ вошли-бы, сначала, тѣ свѣдѣнія о кружевѣ княжескаго и великокняжескаго періода, которыя не черпнуты г-жею Давыдовой изъ нашихъ лѣтописей, а потомъ къ нимъ присоединились-бы еще слѣдующія свѣдѣнія:

Въ духовной грамотѣ князя Михаила Андреевича Верейскаго около 1486 года, говорится объ отказѣ великому князю Ивану Васильевичу: . . . «да кружево кожушное не цѣло съ зарука вьемь . . . » ¹⁾; въ другой духовной грамотѣ, его же, и того же времени, упоминается, между прочимъ «ларецъ съ костью, а въ немъ каймы да круживо. . . » ²⁾.

Въ духовной грамотѣ княгини Юліаны, супруги князя Василія Борисовича Волоцкаго, около 1503 г., упоминается «сорочка шита червчата рукава сожены, . . . да круживо на портицо шито золотомъ да серебромъ» . . . ³⁾.

Въ духовной князя Дмитрія Ивановича, около 1509 г., мы находимъ «круживо съ рукава шубы Русскіе, сажено жемчугомъ Гурмыскимъ, . . . ментени отласъ вишневь венедацкой на чере-

¹⁾ Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, т. I, № 121, стр. 301.

²⁾ Тамъ-же, № 122, стр. 303.

³⁾ Тамъ-же. № 131, стр. 340.

вехъ на бѣльяхъ, а круживо у нее сажоно жемчугомъ Гурмыскимъ на бѣля съ дробницею»...¹⁾

Б) Во второмъ отдѣлѣ, **царскаго періода**, въ примѣръ **кружева церковнаго** употребленія, слѣдовало бы привести, во первыхъ, всѣ тѣ образцы кружева на церковныхъ облаченіяхъ, какія до сихъ поръ уцѣлѣли, изъ **царскаго періода**, въ ризницахъ: Троицко-Сергіевской Лавры, церковей кievскихъ, кирилло-бѣлозерскихъ, псковскихъ, владимірскихъ, суздальскихъ и иныхъ, а затѣмъ перечислить всѣ имѣющіяся еще на лицо письменныя указанія о подобныхъ же предметахъ. Сюда должны бы войти, между прочимъ, слѣдующія:

Въ отрывкахъ изъ описи *Новгородскаго Софійскаго собора*, первой половины XVII-го вѣка, упоминаются: «ризы Пименовскія, атласныя, по бѣлой землѣ круги, шелкъ червчатъ да чернъ; да въ тѣхъ кругахъ листы тканые золотомъ, а около ризъ круживо тканое серебромъ съ шелкомъ съ червчатымъ, а въ томъ круживѣ въ четырехъ мѣстахъ шиты слова»...²⁾; «ризы камка ценнишая... крестъ и звѣзда и по подолу круживо камка вишнева...; ризы алтабасъ серебрянъ... по подолу круживо, атласъ золотной на таусишной землѣ...»³⁾; «ризы камка бѣлая куфтеръ... по подолу круживо, атласецъ золотной на вишневой землѣ...; ризы камка адамашка, большой узоръ... по подолу круживо дороги полосаты, розныхъ шелковъ...; ризы камка бѣлая, адамашка, большой узоръ... по подолу круживо тафта веницейская двоякая, шелкъ зеленъ да желтъ...»⁴⁾; стихарь протоѡдыяконскій большой, алтабасъ золотной по зеленой землѣ... по подолу круживо алтабасъ золотной...; стихарь тафта зелена... по подолу круживо, шиты слова золотомъ да серебромъ...; стихарь шитъ въ останкахъ дву камокъ... по подолу круживо камка

¹⁾ Тамъ-же, № 147, стр. 407.

²⁾ Извѣстія Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, 1861, стр. 367.

³⁾ Тамъ-же, стр. 368.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 368.

гвоздична . . . ; два стихаря камка бѣла, адамашка . . . по подолу круживо, дороги полосатыя . . .¹⁾; стихарь постный, камка багрова . . по подолу круживо атласъ золотной по таусинной землѣ . . . ; стихарь камка багрова . . по подолу круживо тафта кирпичный цвѣтъ, стихарь постный, пзуфрь черна, оплечье п зарукавьѣ бархатъ золотной на червчатой землѣ, по подолу круживо бархатильное . . .»²⁾.

Въ описи имущества *Вологодскаго* архіерейскаго дома, 1663 года, мы находимъ «кружива нѣмецкаго кованаго золотнаго, вѣсомъ одинъ фунтъ». ³⁾.

Въ описи Павлобнорскаго монастыря, *Вологодской* епархіи, 1683 года, мы встрѣчаемъ: «ризы атласъ бѣлый, обложено круживомъ кованымъ серебрянымъ . . .⁴⁾; «ризы зеңдейныя темнокирипичный цвѣтъ . . крестъ кружева золотнаго . . .⁵⁾; патрахѣль атласъ золотой по лазоревой землѣ, на ней 17 пуговицъ серебряныхъ, скашныхъ, золоченны, обложены круживомъ золотымъ . . .»⁶⁾; «уларь атласъ цвѣтной, обложенъ атласомъ червчатымъ; у него 6 кистей шелковыхъ, подъ кистями обложено круживомъ мишурнымъ»⁷⁾; «набедреникъ атласъ червчатый, кругомъ обложенъ галуномъ серебрянымъ, поперегъ, три полосы кружива серебрянаго кованаго . . .»⁸⁾; «шприпка тафта бѣлая, вшито вмѣсто узора круживо тканое золотомъ съ серебромъ . . .»⁹⁾; «изъ казны въ ризницу взято кружива тканнаго золотнаго 22 золотника . . .»¹⁰⁾.

Въ описи нѣкоторыхъ ризъ *Московскаго* Данилова монастыря,

1) Тамъ-же, стр. 369.

2) Тамъ-же, стр. 370.

3) Извѣстія Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, Т. V, стр. 98.

4) Тамъ-же, стр. 262.

5) Тамъ-же, стр. 264.

6) Тамъ-же, стр. 267.

7) Тамъ-же, стр. 269.

8) Тамъ-же, стр. 271.

9) Тамъ же, стр. 271.

10) Тамъ-же, стр. 276.

1683 года, мы встрѣчаемъ нѣсколько ризъ, на которыхъ «вмѣсто омета нашито круживо золотное съ городами . . .» ¹⁾ или же «круживо серебряное и золотное . . .» ²⁾.

Во вкладной книгѣ *Владимірскаго* Рождественскаго монастыря читаемъ: «Лѣта 1688, Московскаго Успенскаго собора протодіаконъ Борисъ Іаковлевъ, владимірецъ, далъ въ домъ преч. Богородицы, въ св. церковь, на престолъ, одѣяніе бархатное золотное съ кругами, на немъ крестъ большой золотной, ковано круживо . . .» ³⁾; покровъ большой бархатный золотной съ кругами, на немъ крестъ, круживо золотное кованое . . .» ⁴⁾ «Лѣта 1697 ризохранитель іеродіаконъ Боголѣпъ содѣла на св. мощи вел. князя Александра Невскаго . . . два покроя, одинъ атласный, вишневыи, другой камчатный зеленый, кресты на нихъ круживные . . .» ⁵⁾; «онъ же, святѣйшаго патріарха ризничій іеродіаконъ Боголѣпъ далъ въ домъ Преч. Богородицы, во св. церковь, ризы байберековыя, по червчатой землѣ, травы золотныя и серебряныя . . . опушка круживо серебряно съ городами, по атласу, осинновый цвѣтъ . . .» ⁶⁾ «Лѣта 1709 (въ числѣ вклада окольничаго Іакнифова:) . . . ризы камка венпцкая жаркап . . . кругъ оплечья и подола круживо серебряное съ златомъ, съ городами . . .» ⁷⁾, епитрахиль атласъ красный, по немъ травы золотныя, обложена кругомъ и середникъ, и семь крестовъ, круживо серебряное, кованое . . .; стпхарь обьяриный серебряный бѣлый, оплечье и опушка круживо шитое златомъ и серебромъ по алому атласу съ городами и съ блестками серебряными . . .; три покроя на сосуды,

¹⁾ Дополненія къ Актамъ историческимъ, т. X, № 106. Дѣло по жалобѣ иужена Московскаго Данилова монастыря Тимоося на архимандрита Симоннова монастыря Гавриила, взявшаго съ собою, при переводѣ въ Симоновъ монастырь изъ Данилова, пожалованныя послѣднему царемъ Оедоромъ Алексѣевичемъ облаченія, стр. 463.

²⁾ Тамъ-же, стр. 464.

³⁾ Извѣстія Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, Т. IV, стр. 350.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 351.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 360.

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 362.

⁷⁾ Тамъ-же, стр. 363.

средники аксамитные золотные, опушка кругомъ участковая золото съ серебромъ, по опушкѣ, и по срединѣ, и кресты, круживо плетеное съ городы серебряное, подложены тафтою красною; пелена на палой бархатная золотная, опушка объяринная цвѣтная, крестъ на ней круживо кованое серебряное, подложена крашенною красною . . . » ¹⁾).

Въ этотъ-же отдѣлъ, какъ образцы **кружева царскаго** вошли-бы, во первыхъ, всѣ тѣ примѣры такого кружева, которые уцѣлѣли въ Оружейной Палатѣ, въ Романовскомъ домѣ, въ Москвѣ и т. д., а за тѣмъ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія мы находимъ о кружевѣ на царскихъ одеждахъ въ изданіяхъ: Строева («Царскіе выходы»), Саввантова («Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ» и т. д.), но не вкратцѣ и не вообще, а подробно и въ частности о каждомъ предметѣ отдѣльно, подобно тому, какъ я дѣлаю это выше, на настоящихъ страницахъ (настоятельную надобность въ такой подробности я объясню ниже).

Какъ примѣры **кружева, употреблявшагося дворянствомъ**, необходимо описать дошедшіе до насъ подлинные образцы этого кружева, а за тѣмъ перечислить имѣющіеся на лицо письменныя свѣдѣнія о немъ. Сюда должны, между прочимъ, войти слѣдующія свѣдѣнія.

Въ рядной записи 1641 г., о приданомъ дѣвicy Гликеріи Ивановой Задонской, изъ мѣстности нынѣшней *Вологодской губерніи*, упоминается «тѣлогрѣя, камка цвѣтная на лисыихъ лапахъ, съ круживомъ кованымъ—цѣна 10 рублей; да охабень алыій дорогильной съ круживомъ серебрянымъ кованымъ—10 рублей . . . » ²⁾).

Въ рядной росписи о женитьбѣ *Воложанина* Ефима Иванова на дѣвицѣ Вассѣ Михайловой, 1670 г., упоминается «охабень жолтъ камчатъ, кружива серебряная . . . » ³⁾).

¹⁾ Тамъ-же, стр. 364.

²⁾ Извѣстія Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, Т. I, стр. 375.

³⁾ Сахаровъ, Сказаніи Русскаго народа, Т. II, книга VI, стр. 105.

Въ описи *Вологодскаго* дворянскаго имѣнія, 1671 г., мы встрѣчаемъ «спорокъ обьярь алая, круживо серебряное кованое..., кокошникъ обложенъ круживомъ золотнымъ плетенымъ...»¹⁾.

Въ духовной памяти Натальи Толоченовой, изъ города *Шуи*, 1651 г., упоминаются: «шуба червчата куфтеръ на соболяхъ, съ круживомъ...»²⁾; шуба кунья подъ камкою зеленою съ круживомъ...; шуба цвѣтная камчатая на горностаѣ съ круживомъ, охабень жолтъ камчатной съ круживомъ...»³⁾.

Въ рядной записи 1684 г., Ѳедоры Казимировой, также изъ города *Шуи*, сговорившей свою дочь Алену за стряпчава Глѣба Островскаго, упоминаются: «шуба жолтая камчатная, мѣхъ бѣлій хребтовый, круживо серебряное плетеное; охабень тафтяной жаркой, пуговицы серебряныя, круживо серебряное...»⁴⁾.

Въ рядной записи, писанной въ *Муромѣ*, въ 1678 г., при сговорѣ Натальи Аристовой за Исаю Ивашева, упоминается «шуба тафтяная на бѣлкахъ, тафта желтая съ круживомъ...»⁵⁾.

Въ духовной Соломоницы Ѳедоровой, 1690 г., писанной, какъжется, въ *Москвѣ*, упоминается «шуба обьяришшая зеленая съ круживомъ, мѣхъ бѣлей, спорокъ атласный съ круживомъ...»⁶⁾.

Въ рядной, писанной въ *Тверѣ*, въ 1694 г., при сговорѣ Мавры Суворовой за Сялу Пушкина, упоминается «шуба камчатая, мѣхъ бѣлей, круживо кушачатое съ серебромъ; шуба камчатая луданная, мѣхъ лисей, пугвицы капительныя съ круживомъ съ серебрянымъ съ золотомъ; шуба тафтяная желтая, мѣхъ бѣлей, съ круживомъ, пугвицы серебряныя, круживо пѣмецкое; шуба тафтяная струйчатая алая съ круживомъ;... тѣлогрѣя кам-

1) Тамъ-же, стр. 376.

2) Старинные акты, служащіе дополненіемъ къ описанію города Шуи, собр. Борисовымъ, изд. Я. Горелинымъ, Москва, 1853, № 75, стр. 133.

3) Тамъ-же, стр. 134.

4) Тамъ же. № 163, стр. 298.

5) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, Т. III, № IV стр. 291.

6) Тамъ-же, Т. I, стр. 563.

чатая съ круживомъ кушацатымъ; . . . пять простынь шитые съ круживами . . . »¹⁾).

Въ сговорной, писанной въ 1695 г., въ *Кашишь*, при выдачѣ Каптеллны Тверковой за мужъ за Ивана Томоноваго, упоминается «шуба изарбатная теплая, мѣхъ лсііи лапчатый, съ круживомъ серебрянымъ . . . »²⁾).

Въ рядной, писанной въ *Касимовъ*, въ 1695 г., при выдачѣ Агафьи Квашиной за мужъ за Якова Борисова, упоминаются «кокошникъ шитый тафтяной, съ круживцемъ серебрянымъ, . . . 15 платковъ шитыхъ съ лентами и съ круживцомъ . . . »³⁾).

Въ рядной, писанной въ *Болховъ*, въ 1699 г., при сговорѣ Екатерины Кривцовой за Ивана Рагозина, упоминается «шуба камчатая, жаркой цвѣтъ, мѣхъ бѣлсей, круживо золотое съ городами; тѣлограя камчатая, васильковый цвѣтъ, круживо серебряное . . . ; шуба тафтяная алая, мѣхъ бѣлій, круживо кушачатое . . . »⁴⁾).

Въ рядной, писанной, кажется, въ *Пензъ*, въ 1701 г., при сговорѣ Авдотьи Юматовой за Василія Яковлева, упоминается «шуба камчатая новая зеленая, кружива серебряная . . . »⁵⁾).

Въ росписи, писанной въ 1710 г., въ *Холмогорахъ*, съ исчисленіемъ приданаго, оставшагося послѣ смерти дочери вдовы Пелагии Матвѣевой, упоминается «треухъ, обложенъ бобромъ, камки алой, круживо золотное . . . ; да на шубку тафтяную взято кружива шелковаго двѣ полосы, цѣною въ 5 алгынь . . . ; два платка, лощеного полотна, съ круживы золотными . . . »⁶⁾).

Какъ образцы кружева, употреблявшагося, въ **царскій педіодъ, кушчествомъ, мѣщанствомъ и крестьянствомъ**, необ-

1) Тамъ-же, Т. III, № VI, стр. 295.

2) Тамъ-же, № V, стр. 310.

3) Тамъ-же, № VII, стр. 296.

4) Тамъ-же, № VIII, стр. 298.

5) Тамъ-же, № IX, стр. 300.

6) Тамъ-же: Дѣло съ просьбы вдовы Пелагии Матвѣевой, о взысканіи приго съ бывшаго зятя, холмогорца Оедора Янкина, по смерти дочери ея, 76, 79.

ходимо привести описанія кружева этого разряда, сохранившагося до нашего времени (напр. на костюмахъ манкеновъ этнографическихъ музеевъ Московскаго и Тверскаго, и въ музеѣ Общества Поощренія художества, въ Петербургѣ, и др.), а за тѣмъ привести тѣ письменныя свѣдѣнія, которыми мы нынче располагаемъ. Такъ, наприм., сюда должны войти, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія.

Въ рядной (сговорной), 1612 г., о женидбѣ крестьянина Марка Скоровскаго, Спасоприлуцкаго монастыря, *Вологодской* епархіи, на Милавѣ Окнифѣевой, упоминаются «двѣ шапки женскихъ камчатыхъ, лазорева да красная, одна съ круживомъ жемчужнымъ . . .» ¹⁾.

Изъ дѣловой крѣпости, 1647 г., составленной крестьянами Галушными, Ровдогорекаго селенія (въ нынѣшнемъ *Холмогорскомъ* уѣздѣ) видно, что племянница ихъ получила отъ своихъ дядьевъ, за деревенскій участокъ отца, въ приданое, между прочимъ, «круживо жемчужное на шапку, цѣна одинъ рубль . . .» ²⁾.

Въ описи имѣнія посадскаго *Воложанина*, Ивана Скрыбина, 1672 г., упоминаются, въ числѣ многихъ другихъ предметовъ, «шубка дорогилная, желтая, нашивка шелковая съ золотомъ, круживо мишурное съ пухомъ, . . . шушунъ суконный червчатый, нашивка шелковая съ золотомъ, круживо мишурное съ пухомъ; шубка кпидяшная червчатая, съ пухомъ, круживо мишурное . . .; сукня червчатая съ нашивкой шелковой, круживо мишурное . . .; шапка женская, пухъ бобровый, вершокъ золотной, на вершкѣ круживо и опутины жемчужныя . . .» ³⁾.

Въ сговорной, писанной въ *Москвѣ*, въ 1696 г., при выдачѣ гостинной дочери Елены Нестеровой за мужъ за Ивана Протопопова, упоминаются «тѣлогрѣя обьяришная, брусничный цвѣтъ,

¹⁾ Акты юридическіе, № 395, стр. 419.

²⁾ Ефименко, приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи, Записки Императорскаго Географическаго Общества, Отдѣленіе Этнографіи, Т. III, стр. 20.

³⁾ Извѣстія Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, Т. III, стр. 59—60.

круживо золотное съ городами, обложено огоньками собольими; шуба байберечная рудожелтая. съ круживомъ серебрянымъ, съ городами . . . ; тѣлогрѣя камчатая лауданная, бруснишной цвѣтъ, круживо золото съ серебромъ съ городами; тѣлогрѣя камчатая алая, круживо серебряное съ городами . . . » ¹⁾

III.

Какъ всѣ эти, такъ и остальные, какіе будутъ помѣщены въ текстѣ у г-жи Давыдовой, факты подобнаго рода—должны быть излагаемы подробно каждый отдѣльно, а не огульно, не вообще, по той причинѣ, что только при такой подробности и отчетливости можно пзвлечь изъ нихъ тѣ результаты, которые въ настоящемъ случаѣ необходимы. А именно, лишь имѣя такіе подробные факты, авторъ будетъ имѣть право сдѣлать общіе выводы относительно:

- а) матеріала стариннаго русскаго кружева;
- б) производства этого кружева;
- в) формы его;
- г) цѣнъ его;
- д) употребленія разными сословіями;
- е) происхожденія его.

Относительно *матеріала*, старинное наше кружево должно быть подраздѣлено на: золотое, серебряное, мшурное, канпельное, шелковое, бархатильное и проч.

Относительно *производства*, кружево наше должно быть подраздѣлено на: кованое, плетеное, шитое (иногда со словами), пряденое, волоченное, низаное, сажное жемчугомъ, съ дорогами шелковыми и проч.

Относительно *формы*, наше кружево должно быть подраздѣлено на: кожушное, кушацатое, кружковое, рѣшотчатое, въ шахматъ, зубчатое, колесчатое, колычатое, веревчатое, съ рясами, съ пелпелы, и т. д. Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ, что въ

¹⁾ Акты, относящіяся до юридическаго быта древней Россіи, Т. III, № VI, стр. 312.

XVII вѣкѣ, рисунки для кружева на царскій обиходъ сочиняли и рисовали царскіе «знаменщики» (рисовальщики). Такъ наприм., въ 1626 г., «знаменщики Иванъ Некрасовъ и Петръ Ремезовъ знаменили къ царицынѣ опашницѣ круживо бѣлилами»; въ 1650 г., «Оружейной Палаты знаменщикъ Ивашка Матвѣевъ знаменилъ подъ шитье на сакъ по бархату червчатому оплечье, зарукавье и круживо»¹⁾. Въ 1645 г. упоминается царскій кружевной мастеръ Оедька Корпильевъ и описывается его кружевной станъ, а въ 1680 г. — царскій кружевникъ Макарь²⁾.

Относительно *продажныхъ цѣнъ*, можно было-бы изъ вышеприведенныхъ матеріаловъ, а также изъ «Товарной книги» XVI—XVII в., извлечь хотя не многочисленныя, но интересныя данныя о цѣнахъ, въ разное время, и въ разныхъ краяхъ Россіи, стариннаго нашего кружева. Въ добавокъ къ этому, можно было-бы прибавить, что въ XVII-мъ вѣкѣ торговля кружевомъ получила даже такое сильное развитіе, что въ Москвѣ, въ Гостинномъ дворѣ, существовалъ особый **кружевной рядъ**. Мы встрѣчаемъ это упоминаніе подъ 1687 годомъ³⁾, но, безъ сомнѣнія, этотъ рядъ основался нѣсколькими десятилѣтіями раньше.

Относительно *употребленія кружева разными сословіями*, полезные результаты отъ сравненій—очевидны.

IV.

Вопросъ о происхожденіи нашего кружева, конечно, одинъ изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ. Благодаря трудамъ г-жи Давыдовой, мы имѣемъ въ настоящее время передъ собою такой богатый матеріалъ, что хотя вопросъ этотъ и не можетъ быть немедленно рѣшенъ окончательно, но мы всетаки можемъ уже значительно подвинуться на пути къ его рѣшенію.

Употреблявшееся въ Россіи, въ до-Петровское время, кру-

¹⁾ Забѣлинъ, Домашній бытъ царицъ (2-е изд.), «Матеріалы», стр. 156, 161.

²⁾ Тамъ же, стр. 118, 123.

³⁾ Дополненія къ актамъ историческимъ, Т. XII, стр. 318.

жево было трехъ сортовъ: одно было западно-европейское, другое — восточное, или подражавшее восточному, третье — собственно русское.

Во многихъ актахъ и документахъ упоминается у насъ о кружевѣ «нѣмецкомъ», «фряжскомъ» и «литовскомъ»¹⁾, и потому не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что древняя Русь получала значительное количество своего кружева изъ Западной Европы. Задача историка русскаго кружева — показать, посредствомъ сличенія, которые изъ уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ образцовъ суть прямо произведенія западно-европейскія, и какія — русское ихъ подраженіе. Полноты въ этомъ случаѣ ожидать, конечно, невозможно, и по неволѣ приходится удовольствоваться нѣсколькими образцами.

Но несравненно большую роль играло въ древней Руси кружево восточное, или подражавшее восточному. Г-жа Давыдова справедливо говоритъ въ своемъ текстѣ: «Не можемъ не замѣтить, что при настоящемъ положеніи нашихъ свѣдѣній, мы признаемъ, покуда, невозможнымъ рѣшеніе вопроса о всѣхъ нпоземныхъ (кроме западно-европейскаго) источникахъ происхожденія русскаго кружева. Для этого необходимо было-бы имѣть передъ глазами полные, или по крайней мѣрѣ удовлетворительные сборники рисунковъ (или фотографическихъ снимковъ) съ византійскихъ и восточныхъ вышивокъ золотомъ, серебромъ и шелками, безъ сомнѣнія бывшихъ у насъ въ непосредственномъ употребленіи, или много разъ служившихъ образцами и прототипами для нашего кружева. Такихъ изданій пока еще никѣмъ не составлено. Это еще работа будущаго. Поэтому, самые коренные и существенные пункты вопроса о происхожденіи нашихъ кружевъ должны остаться нетронутыми. Но впродъ до того, на основаніи приведенныхъ выше свѣдѣній, мы не можемъ сомнѣваться въ

1) «Фряжское кружево» упоминается, между прочимъ, въ «Описи платья времени царей Федора Ивановича, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго», Забѣлинъ: «Домашній бытъ царицъ» (изд. 2-е), «Матеріалы», стр. 39. «Литовское кружево» мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ въ «Описи казны патріарха Пикона», см. Временникъ Общества исторіи и древностей, т. 15, 1852, стр. 59.

томъ, что иноземныхъ вліяній на наше кружево, въ теченіе среднихъ вѣковъ, и до конца XVII вѣка, было всегда много».

Съ этими положеніями нельзя не согласиться. Но можно, кажется, прибавить къ нимъ нѣсколько болѣе подробныхъ соображеній.

Указанныя г-жею Давыдовою и почерпнутыя ею изъ старинныхъ нашихъ письменныхъ документовъ такія выраженія, какъ напр.: «круживо молдацкое (= молдавское)» и др., несомнѣнно указываютъ намъ на продукты и вліянія восточныя, хотя конечно, не восходящіе за предѣлы XVI и XVII вѣка.

Съ другой стороны, если уже въ Западной Европѣ однимъ изъ главныхъ родоначальниковъ тамошняго кружева считаются образцы византійскіе (о чемъ говорено г-жею Давыдовой въ 1-мъ параграфѣ ея «Введенія», на основаніи Дигби Уайетта), то тѣмъ болѣе можно ожидать вліянія византійскихъ образцовъ у насъ, гдѣ существовало такое преобладающее вліяніе всѣхъ византійскихъ художественно-промышленныхъ производствъ.

Византійскихъ старинныхъ кружевъ мы вовсе не знаемъ. Образцовъ ихъ нигдѣ не сохранилось до нашего времени, ни въ какихъ музеяхъ и ни на какихъ предметахъ церковнаго или свѣтскаго употребленія. Нельзя, впрочемъ, не обратить особеннаго вниманія на то, что въ средневѣковой Греціи несомнѣнно существовало нѣчто въ родѣ кружева изъ металлическихъ нитей, и г-жа Паллизеръ приводитъ, на основаніи извѣстнаго сочиненія графа Лабурда «Glossaire français du Moyen-Age», цитату изъ описи казнохранилища герцоговъ бургундскихъ, гдѣ подъ 1393 годомъ упоминается «un petit pourpoint de satin noir et est la gorgерette de maille d'argent de Chippre». ¹⁾ Эта «серебряная сѣтка» есть конечно нѣчто, вполне подобное тому, что около того-же времени послали русскіе князья на своихъ парадныхъ одеждахъ подъ названіемъ «золотаго и серебрянаго кружива», и мудрено кажется, сомнѣваться въ томъ; чтобъ и эти послѣднія точно

¹⁾ Palliser, A history of lace, 3-е изд., стр. 65.

также какъ и тѣ, не происходили прямо изъ Греціи, или дѣланы были у насъ по греческимъ образцамъ. Не забудемъ, что въ первыхъ указаніяхъ нашей лѣтописи говорится, что на Дашилѣ Галицкомъ, при свиданіи съ королемъ венгерскимъ (1252 г.) былъ надѣтъ «кожухъ оловира грецкаго и круживы златыми плоскими опшитъ», что послѣ смерти Владиміра Галицкаго «омывше и увиша ѿ оксамитомъ съ круживомъ, якоже достоятъ царемъ». Аксамитъ и оловиръ — матеріи греческія; одѣтъ же князь «какъ достоятъ царемъ», т. е. по модѣ и обряду греческо-византійскимъ — несомнѣнно, что и кружево должно было тутъ быть по модѣ и обряду византійскому. Замѣтимъ при этомъ, что въ Греціи, на нѣкоторыхъ островахъ (избѣгнувшихъ турецкаго вліянія, замѣчасть г-жа Паллизеръ) даже и до сихъ поръ дѣлается кружево ¹⁾.

Что касается до «турецкаго кружева», то г-жа Паллизеръ ссылается ²⁾ на одного англійскаго путешественника конца XVI-го вѣка, который именно говоритъ, что въ его время (1589) «турки не носили никакого кружева», и что «ихъ женщины также не украшаютъ своихъ рубашекъ кружевомъ», къ чему г-жа Паллизеръ прибавляетъ, что, впрочемъ, 150 лѣтъ спустя, дѣло перемѣнилось въ Турціи, и въ 1764 году султанъ издалъ законъ противъ роскоши и, между прочимъ, противъ пошенія золотого кружева. Впрочемъ, тѣ образцы турецкаго кружева, которые можно видѣть и до сихъ поръ, и о которыхъ говоритъ также и г-жа Паллизеръ ³⁾, конечно, суть только работы тамбурнымъ крючкомъ или иглой, и, значить, отличаются отъ того плетенаго кружева, которое нынче спеціально называется «кружевомъ».

Кружево стоитъ у насъ въ неразрывной связи съ костюмомъ. Всѣ самыя древнія указанія на кружево являются при описаніи костюма. Они относятся къ XIII-му вѣку. На церковныхъ облаченіяхъ и другихъ предметахъ мы встрѣчаемъ кружево гораздо позже, лишь въ XV-мъ вѣкѣ. Конечно, при недостаткѣ большаго

¹⁾ Palliser, A history of lace, стр. 65—68.

²⁾ Тамъ-же, стр. 68.

³⁾ Palliser, A history of lace, стр. 68—69.

количества матеріаловъ, нельзя положительно отрицать употребленія кружева на церковныя надобности и ранѣе XV-го в., но мы не имѣемъ, покуда, тому никакихъ доказательствъ. Но если тѣсная связь существуетъ между кружевомъ и костюмомъ, то нельзя не обратить вниманія на то, что первыя упоминанія о кружевѣ относятся прежде всего — все только къ шубамъ и кожухамъ, т. е. къ такой одеждѣ, которая имѣетъ у насъ происхожденіе по преимуществу восточное, и притомъ, упоминанія о кружевѣ происходятъ среди упоминанія безчисленныхъ другихъ подробностей все чисто восточныхъ: и матеріи, и покровъ, одежды, и вся вообще обстановка костюма — восточные, какимъ чудомъ одно только кружево осталось-бы тутъ не восточнымъ? Но ни у нынѣшнихъ Персіянъ, ни у Армянъ, ни у Грузинъ, положительно нѣтъ ничего сколько нибудь напоминающаго «кружево», золотое или серебряное, и ни въ какихъ, до сихъ поръ извѣстныхъ письменныхъ памятникахъ, нѣтъ о немъ извѣстія у этихъ народовъ. Было ли кружево у татаръ, того мы не знаемъ, ни по какимъ вещевымъ памятникамъ, ни по письменнымъ документамъ. Однакоже, нѣкоторымъ намекомъ и указаніемъ на положительный отвѣтъ на вопросъ о томъ мы находимъ, во первыхъ, въ татарскомъ названіи, покроѣ, узорахъ и орнаментахъ большинства русскихъ одеждъ (зипунъ, кафтанъ, феразь, азямъ, армякъ, терликъ, тегилій и т. д.), а во вторыхъ въ двухъ документахъ, одинъ XVI-го, другой XVII вѣка. Въ «Росписи платью», пожалованному царемъ Борисомъ Годуновымъ семейству сибирскаго царя Кучюма въ 1599 г., мы встрѣчаемъ: «Кучюмовѣ большой царицѣ Салтанымъ: шуба, камка, адамашка рудожелта, на купцахъ, опушена атласомъ съ серебромъ, вкругъ ея и по швамъ круживо, шолкъ чернъ съ серебромъ, петли шолкъ чернъ, пуговицы королковыя Другой царицѣ Сюйдеджанъ: шуба камка адамашка бѣла, на пункахъ на собольихъ, опушена атласомъ золотнымъ, кругъ ея круживо и по швомъ, шолкъ червчатъ да чорнъ съ золотомъ, пуговицы серебряны. . .» Веѣмъ прочимъ царицамъ платье дано безъ кружева ¹⁾.

¹⁾ Акты историческіе. Т. I, стр. 17.

Пятьдесятъ девять лѣтъ позже, въ 1658 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ «Росписи, что послано калмыцкимъ тайшамъ Государева жалованья съ астраханскимъ стрѣлецкимъ головой Прокофьомъ Шибановымъ» мы читаемъ: «Дайчину Тайнгъ: шуба соболья, пластичатая, въ ожерельѣ бобры, съ пугвицы королковыми, наснияхъ съ жемчуги; однорядка алая, съ круживомъ золотнымъ... Тайшиновымъ дѣтямъ, Мочаку да Маникику: ... по однорядкѣ, съ круживомъ золотнымъ кованымъ, пугвицы королковые на сннихъ серебряныхъ съ жемчюги... Тайшинымъ племянникамъ, четыремъ человекамъ: ... по однорядкѣ червчатой, изъ аглинскихихъ суконь, съ кружива золотными коваными, съ пугвицы королковыми . . . Улуснымъ людямъ, 50 человекомъ: по однорядкѣ по червчатой изъ Аглинскихихъ суконь, съ круживы мшурными коваными . . .»¹⁾ Эти два свидѣтельства кажутся мнѣ очень важными. Не только въ XVI и XVII вѣкѣ, но даже и до сихъ поръ, парадныя одежды, даримыя нашими царями восточникамъ, нашимъ сосѣдямъ, всегда устранивались и устраняются не по русскому образцу и вкусу, и по туземному, съ строгимъ соблюденіемъ ихъ вкусовъ и модъ. Поэтому, упоминаніе, въ числѣ подробностей этихъ дареныхъ костюмовъ, кружева, служитъ, мнѣ кажется, довольно вѣроятнымъ доказательствомъ употребленія такого кружева, издревле, у средне-азіатовъ, и заимствованія русскими кружева столько-же отъ Византіи, сколько изъ Азіи.

Что у до-Петровской Россіи было также и свое собственное изобрѣтеніе по части кружева, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Это несомнѣнно не только *a priori*, въ виду новыхъ элементовъ и развитій, внесенныхъ Русью во всѣ чужія формы, вначалѣ ея заимствованныя отъ другихъ, въ архитектурѣ, во всѣхъ предметахъ обихода и жизни, костюма и т. д.; но и *a posteriori*, основываясь на образцахъ и узорахъ, нмѣющихся на лицо. Знатки стиля способны отличать русскія особености, про-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 275—7.

являющіяся въ художественно-промышленныхъ производствахъ нашего времени, преимущественно «въ эпоху царскую», за время XVI-го и XVII-го вѣка. Но такая работа пока еще не сдѣлана, это дѣло будущаго.

Съ другой стороны, любопытно было-бы сравнить уцѣлѣвшіе образцы русскаго древняго кружева съ древними русскими золотыми и серебряными вышивками. Всѣ вообще писатели о кружевѣ считаютъ, что всякое кружево, гдѣ-бы то ни было, произошло отъ вышивокъ. По всѣмъ признакамъ, то-же надо сказать и про русское. Но такъ какъ и древнихъ вышивокъ металлическими нитями, и древняго кружева нашего, золотого и серебрянаго, у насъ теперь есть на лицо уже довольно, то необходимо было-бы, по моему мнѣнію, сличить тѣ и другія, относительно ихъ формъ и узоровъ, и показать истинное ихъ отношеніе. Г-жа Давыдова имѣетъ всѣ данныя къ такой работѣ, и по своимъ свѣдѣніямъ, и по своей опытности.

Въ этомъ-же мѣстѣ IV-го параграфа: «Введенія» должны помѣститься свѣдѣнія о *финскомъ кружевѣ*, какъ историческія, такъ и техническія. Во всѣхъ почти подробностяхъ своего быта, древняя Русь, при своихъ близкихъ и частыхъ соприкосновеніяхъ съ финнами, столь многое заимствовала отъ нихъ, что уже a-priori можно ожидать подобныхъ заимствованій, или по крайней мѣрѣ вліяній, и въ дѣлѣ кружева. Необходимо сравнить формы и технику финнскаго кружева съ русскими, для того, чтобъ положительно утвердить, или положительно отвергнуть такія вліянія или заимствования. Правда, въ сочиненіи г-жи Давыдовой говорено, въ одномъ мѣстѣ, о финскомъ кружевѣ, но не въ историческомъ «Введеніи», и не въ томъ смыслѣ, который только что здѣсь указанъ, и который кажется мнѣ наиболѣе правильнымъ.

Параграфъ V-й «Введенія» г-жи Давыдовой посвященъ вопросу о «нитяномъ русскомъ кружевѣ». Этотъ параграфъ есть одна изъ лучшихъ и важнѣйшихъ частей всего сочиненія, потому что онъ раскрываетъ на громадную массу матеріала, полученнаго г-жей Давыдовой изъ изслѣдованій кружева на мѣстѣ, въ разнообраз-

ныхъ нашихъ кружевныхъ центрахъ. Въ результатахъ, добытыхъ и высказанныхъ здѣсь г-жею Давыдовою, лежитъ самая крупная и прочная ея заслуга. Она сдѣлала попытку, никѣмъ еще до нея не пробованную, указать, среди массы подражательныхъ формъ, формы и производство собственно русскаго національнаго нашего кружева. Г-жа Давыдова прибавляетъ новую страницу къ исторіи культуры древней Руси. Но, чтобы этотъ параграфъ былъ вполне удовлетворителенъ, необходимо было-бы, мнѣ кажется, прибавить здѣсь критическое сравненіе главнѣйшихъ формъ русскаго шитьяго кружева съ главнѣйшими формами древняго золотого и серебрянаго нашего кружева. Такое сравненіе не можетъ, конечно, быть совершенно полнымъ, потому-что послѣдняго кружева уцѣлѣло, сравнительно говоря, немного, особливо за болѣе древніе періоды; тѣмъ не менѣе, сравненіе даже и не совершенно полное должно дать результаты значительныя. Мы узнаемъ не только то, что даже и до настоящаго времени существуетъ «русское», настоящее «русское кружево», ни откуда не заимствованное, ни съ Востока ни съ Запада, но что это русское кружево, шитьяго, не есть созданіе новаго времени, а идетъ изъ древнихъ нашихъ періодовъ, и только изъ металлическаго сдѣлалось—шитьянымъ. Оно, такъ сказать, переложилось «съ золота и серебра на ассигнаціи». И потому, оно есть значительный современный представитель великаго и національнаго прошлаго.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Подробно изучивъ сочиненіе г-жи Давыдовой, я нахожу, что подобнаго сочиненія въ нашей литературѣ до сихъ поръ еще не было, и что авторшѣ принадлежитъ та неоцѣненная заслуга, что она самолично изслѣдовала исторію и технику русскаго кружева на самыхъ мѣстахъ производства; вмѣстѣ съ тѣмъ, г-жею Давыдовою составленъ громадный и превосходный альбомъ фотографическихъ снимковъ, какого у насъ еще не существовало, и который заключаетъ образцы всего, что только производится у насъ

въ Россіи хоть сколько нибудь примѣчательнаго по кружевной части, но гдѣ собраны также образцы, какіе только можно было добыть, стараго національнаго кореннаго нашего кружевнаго производства. Всѣ представляющіеся по части русскаго кружева вопросы трактованы г-жею Давыдовою съ необыкновенною основательностью, точностью и подробностью. Указанные мною, выше, немногіе недочеты и недостатки, легко поправимые при печатаніи сочиненія, нисколько не умаляють его общаго достоинства. Вообще, я нахожу, что сочиненіе это заключаетъ такія серьезныя качества, что равняется по самостоятельности и солидности, лучшимъ подобнаго рода сочиненіямъ по части западно-европейскаго кружева, а многіе изъ нихъ даже превосходятъ. Такимъ образомъ, я признаю, что сочиненіе г-жи Давыдовой есть очень крупный вкладъ въ русскую науку, изслѣдующую какъ русскую прежнюю, такъ и современную жизнь, съ ея самостоятельной, творческой, художественной стороны, и потому покорно прошу Императорскую Академію Наукъ обратить самое полное вниманіе на трудъ г-жи Давыдовой, и присудить ему большую премію.

С.-Петербургъ, Сентябрь 1886 года.

Испремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.